

Последний свидетель из Кражино

История геноцида из первых уст

На въезде в Кражино, что в Воложинском районе, – «Женщина в печали». Монумент возвели в 1961 году. Он, как принято говорить, типовой: таких много в разных уголках бывшего СССР. Но от осознания этого факта воспринимается еще более эмоционально.

На постаменте гранитная табличка: «Здесь захоронены мирные граждане д. Кражино, заживо сожженные фашистами в 1943 году». Рядом с мемориалом несколько старых деревьев. Судя по их размерам, исполины были молчаливыми свидетелями расправы над местными жителями. В тот черный день людей силой сгоняли к гумну, сопротивляющихся расстреливали и кололи штыками. И всех 213 человек, в том числе стариков и младенцев, сожгли...

За памятником со скорбящей женщиной самое страшное – ушедший в землю и припорошенный снегом фундамент строения, где испекли селян. Внутри контура невысокий холм, из которого растут каменные кресты. Похожих надгробий много на сельских кладби-

щах, но так плотно их там не ставят. А тут они теснятся, словно боятся не поместиться: останки сотен человек лежат в одной могиле.

На каменных крестах надписи на русском и польском, сотни имен и десятки фамилий – здесь убивали семьями.

Современное Кражино – это всего лишь половина от довоенной деревни. Февраль 2022 года

В глаза бросаются отдающие болью слова: «Pamiętka ot syna i brata», «Александр 4 г., Нина 1 г.», «Убитые и сожженные». На фоне ярко-голубого неба гранитный лес выглядит жутко и нереально...

После войны Кражино восстановили. Места здесь красивые – сосновый лес, река, озеро. Деревенская дорога вымощена камнем! Земля плодородная. Рядом Налибокская пуца, ставшая в годы войны плацдармом для партизанских отрядов. Это обстоятельство и сыграло роковую роль в судьбе Кражино: гитлеровцы мстили лесным солдатам, отыгрываясь на невинных...

«Спыніўся [немец], паздароўкаўся і пытаецца: «Матка, матка, а да Вільні дарога ці гладка?»

Через дорогу от памятника, буквально в полусотне метров, обычная деревенская хата с кирпичной пристройкой. Замечаем на доме табличку «Здесь живет участник Великой Отечественной войны». В сенцах «зимует» курица, в комнате возле печки греется рыжий лохматый кот. Они и пожилая хозяйка – вот и все обитатели хаты.

Бабушка, как мы ее называем, смущается при виде фотокорреспондента, суетится, надевает яркую «хустачку»: даже в 87 лет женщина остается женщиной, хочет выглядеть нарядно.

Мария Адамовна Казак родилась в далеком 1935-м. Она последняя из жителей Кражино, кто знает о тех страшных событиях не понаслышке:

– Калі пачалася вайна, пазабіралі мужчын у войска. Прыйшлі немцы. Маці агарод поле, і едзе на трохколавым «мацыклеце» немец. Можа, і начальнік які быў. Спыніўся, паздароўкаўся і пытаецца: «Матка, матка,

Мария Адамовна Казак последняя из жителей Кражино, кто знает о тех страшных событиях не понаслышке

а да Вільні дарога ці гладка?» Яна адказвае: «Гладка, панок, гладка». Паехаў немец. А ці ведала маці тую дарогу?

В годы войны нашу героиню и ее семью спасло то, что при польской оккупации власти заставляли крестьян разъезжаться из деревни.

– Пры Польшчы гналі на футара, а пры савецкай уладзе – з футароў, – вздыхает Мария Адамовна.

Ее родители, как и некоторые другие односельчане, подчинились требованию «панов», переселились достаточно далеко, «на гару». Но многие остались в деревне, где до войны насчитывалось полсотни домов.

«Знаеш што, Адам? Я чуў, будуць біць Кражына».

Из нескольких сотен жителей Кражино «у парцізаны» ушли шесть человек. Но те в деревню и к хуторянам наведывались часто, просили поесть или отсидеться. Однажды, когда на сеновале прятались 12 народных мстителей, в хату пришли три немца:

– Але парцізаны не паказаліся і не выйшлі. Яны, наадварот, з хлява слухалі, што будуць рабіць ворагі. А тыя казалі, што едуць у нейкія Гардэлі – рэзаць лес для чыгункі. І калі немцы пайшлі, мой тата, Адам Іванавіч, кажа: «Хлопцы, уставайце і ідзіце. Было добра, што вы іх не чапалі». Яны б гэтых трох немцаў забілі, і нам бы ўсім быў канец. Нікога б не пашкадавалі.

Но такую «доброту» партизаны проявляли не всегда.

– Неяк у маі 1943-га раніцай паднялася стрэльба на чыгуначнай станцыі Дайноўка, – вспоминает Мария Адамовна. – У Дайноўцы на гары былі нямецкія бункеры. Ці там пабілі гэтых немцаў, ці не, але дваіх парцізаны ўзялі ў палон і паехалі праз Кражына. Памятаю, як адзін малады парцізан бег цераз поле. Сонца ўстае, вінтоўка ў яго промнях блішчыць, а ён нясецца і гарлапаніць: «Немцаў бі, ратуй Расію!» Так і прабег міма нас з крыкам. У Кражыне парцізаны папрасілі ў людзей есці. Ім хто што меў далі. А іншыя немцы зладзілі засаду на дарозе Мінск – Гродна. Парцізаны даехалі да гэтай шашы, і зноў пачаўся бой. Нашыя палонных кінулі і ходу ў алешнік ля дарогі...

«Мужчын заставілі цягаць салому да будынка, дзе былі жанчыны з дзецьмі, у дзвярах паставілі два кулямёты...»

Бой в Дайновке произошел в начале недели. Именно с этого эпизода началась цепочка страшных событий:

– У сераду тата паехаў у Вішнеў на базар. Там знаёмы чалавек з Замасцяна, Васіль Хазяюшкаў, кажа яму: «Знаеш што, Адам? Я чуў, будуць біць Кражына». Тата адказвае: «Браток, а дзе ты пачуў?» А чалавек з Замасцяна быў у нямецкай жандармерыі і слыхаў, што гаворылі на ваенным сходзе... Тата прыехаў да хаты і к маці: «Ганька,

будуць біць Кражына!» А мама яму: «Ты, бацька, не пускай панікі. Бо пачуюць парцізаны і скажуць, што маеш сувязь з немцамі. Альбо немцы скажуць, што мы с парцізанаі сувязь маем». А мы тады жылі ў лесе, на футары, далёкавата адгэтуль.

Видно, что даже через столько лет воспоминания женщине даются непросто.

– У чэцвер бацька зноў паехаў на базар, у Валожын, дзе ён купляў і прадаваў драўляныя колы. Звярнуўся, ляглі тата з мамай спаць. У чатыры часа раніцы ў пятніцу прылятаюць да нас футаранцы, гавораць: «Вы ўсё спіце, а ўжо Кражына акружана». Мама нас апранула і адвяла за кіламетр у старыя акопы, якія, мусіць, былі ці з Гражданскай вайны, ці з якой яшчэ. Мы ў гэтых акопах і сядзелі, а мама звярнулася да хаты – карову падаіла, свіням дала. Большы брат пагнаў карову пасвіць, а тата пайшоў на гару, з якой відаць было і на Гародзькі, і на Крыніцу, і на Вішнева...

Мария Адамовна умолкает, задумчиво смотрит в окно, как будто что-то припоминает. Неспешно натруженными руками поправляет «хустку».

– Да паўдня ў Кражына ішла стрэльба, і тата пайшоў бліжэй, у хвойнік, з-за кустоў глядзеў... – продолжает она свой рассказ. – Немцы, «бандэры» гэтыя ўсім казалі, што трэба сабраць людзей, што прыедзе іх начальства і будзе сход. І пакуль «гэстапа» ехала, яны сагналі людзей у гумно. Там яшчэ другое гумно (мая-

В фондах Воложинского краеведческого музея хранится немало документальных свидетельств о зверствах фашистов

Монумент в Кражино
возвели в 1961 году

го мужыка) стаяла. У гумнах была салома. Мужчын заставілі цягаць салому да будынка, дзе былі жанчыны з дзецьмі, у дзвярах паставілі два кулямёты, стралялі. Потым забілі і гэтых мужчын, усё аблілі бензінам і запалілі...

«Адна бабулька не магла ісці, дык яе валачылі па вуліцы, сцягнулі з дарогі да гумна, забілі і спалілі з усімі».

В доме мертвая, кричащая тишина. Страшно даже представить этот ужас!

– Тады загінулі два татавыя браты, жонка аднаго Ксенія, а другога Волька, двое дзетак і мама татава з імі. Усе тутак ляжаць, – Мария Адамовна паказывае рукой в сторону памятника. – Застаўся толькі солтыс, нямецкі «дэпутат». Дзе ён схаваўся, не ведаю. А калі гумно спалілі, немцы давай збіраць па вёсцы кароў, свіней, курэй, авечак. Прыгналі з чужых вёсак вазы і ў Кражына забралі вазы, у каго былі з канямі, на іх усё загрузілі і звезлі ў Валожын.

Из глаз пожилой женщины непрерывно текут слезы, она вытирает их натруженной ладонью, жалуется: «Ой, сляпяя зусім стала. Вочы сонца не пушчаюць!».

Карателей Мария Адамовна называет то немцами, то украинцами, но чаще «бандэрамі». Говорит, они прекрасно понимали язык белорусов:

– Немцы, якія праводзілі «сход», «гэстапа» гэтае – адны ўкраінцы, «бандэры». У шапках з брылямі, і на шапцы адзнакі – трупія (мёртвыя. – Аўт.) галовы.

Известно, что знак «мертвая голова» в годы войны использовался эсэсовцами. Была дивизия СС с соответствующим названием – «Тотенкопф», что переводится как «мертвая голова». Выходит, бабушка Мария что-то путает? Историки пояснили: нет, с памятью у женщины все в порядке. Кражино сожгли именно эсэсовцы – такие же, что расправились с жителями Хатыни, уничтожили 146 человек в деревне Доры и 125 в Лапицах Воложинского района. Ведь уже достоверно известно, что подразделения штурмбригады СС Дирлевангер состояли из украинских добровольцев и бывших советских военнопленных – в послужных списках сплошь славянские фамилии. И отличались они невиданной жестокостью, утверждает Мария Казак:

– Немцы яшчэ нешта слухалі, з «бандэрамі» дамовіцца было нельга. Ох, благія! Білі дзе каго зловяць. Адзін чалавек з футара на гару ўцёк і схаваўся. Бачыў, што робіцца ў вёсцы. Потым запрог каня і пайшоў баранаваць бульбу. «Бандэры» заўважылі, пайшлі да яго. Каня кінулі на гары – за чалавека і да гумна. Жонка яго паляцела прасіцца, каб адпусцілі, і яе сюды. Матка бачыць, што сына і нявестку пагналі, прыбегла, і яе туды. Асталіся два малыя хлопчыкі, іх потым узяла сястра забітага са Старынкаў... Быў хлапец у Кражыне, які залез на чардак

і закрыўся саломай. Схаваўся. А «бандэры» шукалі па саломе і кінжаламі прабілі яго... Адна бабулька не магла ісці, дык яе валачылі па вуліцы, сцягнулі з дарогі да гумна, забілі і спалілі з усімі. Другая бабка схавалася на хату, прадрапа кастрыцу і лягла ў «нару», зверху ёй яшчэ кастрыцы накідалі. Два немцы палезлі туды, знайшлі, адзін: «Злазь!», а другі: «Да пусць застаецца на насенне»...

Учинив расправу, рассказывает Мария Адамовна, оккупанты решили проявить «милость»:

– У Валожыне назаўтра ціха, на паслязаўтра ціха, а тады аб’яўляюць: хто дзе жывы, хто сваяк – хай вяртаюцца ў Кражына, мы ўжо біць не будзем. Як гэта абвясцілі, дык сталі людзі сцягвацца ў вёску. У некаторых дамах, якія засталіся без гаспадароў, жылі нават баркавыя, з вёскі Нізавыя Баркі, якую таксама спалілі.

К жуткому пепелищу долго никто не приближался. Но когда собаки начали растягивать по Кражино кости сожженных, оккупанты пригнали из соседних сел мужчин и заставили их выкопать яму прямо посреди бывшего гумна.

– Гарэлікаў – хто згарэўшы, хто задушўся ад дыму і агню – усіх у яму. Сцягвалі туды бусаком. Прысыпалі трохі і пайшлі.

После войны председатель местного сельсовета Цибульский, бывший партизан, организовал людей из

окрестных деревень, чтобы привезти песка на место расправы над кражинцами и насыпать курган. Поставили кресты, православные и католические, в память о сожженных односельчанах.

«Гарэлікаў – хто згарэўшы, хто задушўся ад дыму і агню – усіх у яму. Сцягвалі туды бусаком».

– У жывых засталіся тыя, хто ваяваў і хто ўцёк. Да нас на футар з Кражына прыйшлі бацька Стась, яго сын Вінцук, сёстры Юзя і Ядзя. Павярталіся крыху пазней і тыя, хто быў не бяднейшы, а крапчэйшы і каго раскулачылі, – словно подводит итог этой страшной истории Мария Адамовна. – Было 50 хат, а пасля вайны неяк сабралі 26. Астатнія загінулі, 213 душ.

В Кражино сегодня несколько десятков домов. Местные – пожилые женщины и два «мужыка», остальные дачники. Хватает новостроек с хорошей отделкой, окруженных металлическими заборами.

Пока общались с Марией Адамовной, распогодилось. Над деревней вовсю заиграло солнце. Чтобы оценить здешнюю красоту с высоты птичьего полета, мы с фотографом запускаем дрон. Попутно замечаем, как в один из дворов заезжает сверкающий пикап, а по улице прогуливается женщина с собакой породы кане-корсо. Дрон «сообщает»: какой-то рыбак вышагивает по некрепкому льду к самому центру озера. Смельчак, однако!

Безмятежность и спокойствие зачаровывают. Лишь курган с каменными крестами у деревенского перекрестка напоминает о страшном майском дне 1943-го...

Воложинские сестры Хатыни

На Воложинщине фашисты уничтожили 64 деревни и 47 хуторов, которые здесь называют «отрубья», а если поселение в лесу, то «гай».

– В радиусе 15 километров от Налибокской пущи все было выжжено буквально дотла, – рассказывает Наталия Ловчая, директор районного краеведческого музея. – У нас есть карта этих населенных пунктов, но не все там указаны, потому что изображение станет черным.

Наталия говорит, что расправы с мирными жителями шли по одному сценарию: каратели приезжали на рассвете, сгоняли сельчан в большое строение, обкладывали его соломой, обливали бензином и поджигали.

– В деревне Доры людей вообще затолкали в церковь и сожгли там всех, кого собрали, – 146 человек, в том числе 37 детей, – говорит директор музея. – Жители

Мария Казак: «Будзьце шчаслівыя, дзеткі!»

села даже представить не могли, что их станут убивать в святом храме.

Варварское истребление мирного населения объясняют (если это вообще можно объяснить!) тем, что у фашистов не получалось уничтожить партизан в Налибокской пуще. Поэтому вооруженные до зубов головорезы вымещали свою злость на женщинах, детях, стариках. А что же партизаны?

– Если в какой-то из деревень начиналась карательная операция, жителей соседних сел уводили в лес, – рассказывает Наталия Ловчая. – Обычно находили и убивали тех, кто спрятался в погреб, под печь. Каратели сразу уничтожали семьи партизан, если узнавали, что кто-то ушел в отряд. В те годы смешалось все: жестокость, предательство и трусость, когда свои же доносили на односельчан оккупационным властям... Лихолетье коснулось каждой белорусской семьи. Моя мама до конца жизни, если кто-то жаловался на проблемы, говорила: «Ой, дзеткі! Ну гэта ж не бяда! Галоўнае, каб не было ж той войны!»

Одна из экспозиций музея рассказывает об истреблении еврейского населения в Воложинском районе. Тут и личные вещи расстрелянных на так называемом военном стадионе: расческа, часы, очки...

– Там выкопали ров, подводили к нему по 10 человек и расстреливали. Потом фашисты отдыхали и шли за новой партией жертв, – приводит подробности Наталия Ловчая.

Главная задача музея, считает моя собеседница, – донести память о войне до подрастающего поколения. Для этого здесь регулярно проводят видеоуроки для школьников. В районе разработали специальный туристический маршрут по местам воинских захоронений. Он начинается около памятника в деревне Кражино, затем остановки в Дорах, Ракове и Ивенце.

– Обязательно возим ребят в Кражино, – рассказывает директор музея. – Чтобы они постояли у монумента, почувствовали всю значимость святого места. Это та правда, которую мы стремимся им донести. Есть архивы и еще живые очевидцы тех событий, такие как Мария Адамовна Казак. Тогда они были детьми, но детская память сохранила страшные воспоминания...

Алексей ГОРБУНОВ

Фото Павла ОРЛОВСКОГО, БЕЛТА и из фондов Воложинского краеведческого музея

ОФИЦИАЛЬНО

Евгений КРУКОВИЧ,
председатель Воложинского
райисполкома:

– На территории Воложинщины за годы оккупации сожжено 111 населенных пунктов – деревень и хуторов. Погибли 8654 мирных жителя, эта цифра постоянно уточняется.

Считаю: очень важно, особенно в Год исторической памяти, обнародовать факты геноцида, выступив против переписывания и фальсификации истории. Цифры – вещь упрямая, а факты говорят сами за себя.

На нашей земле уничтожили 6 тысяч евреев. Гитлеровцы создали пять лагерей-гетто, самый большой на одной из центральных улиц нашего города, остальные в Вишнево, Забрэзье, Ивенце и Ракове.

Наиболее массовая расправа над еврейским населением произошла на Воложинском стадионе, бывшем военном. Здесь уничтожили около двух тысяч граждан, в том числе представителей других национальностей. Этот факт стал известен не так давно. Несколько лет назад в ходе земляных работ на этом месте строители обнаружили множество человеческих останков...

Планируем в ближайшее время реконструировать установленный здесь памятник и создать масштабный мемориальный комплекс. Это будет знаковое памятное место для нас и гостей района. Историческая память очень важна. Геноцид нельзя забыть, мировое сообщество должно видеть доказательства страшных преступлений.

В районной газете «Працоўная слава» создали специальную рубрику, где очевидцы военных событий на территории нашего района делятся воспоминаниями, своей болью. Передать эту память детям и внукам – наш долг. Если этого не сделаем мы, то может быть поздно. Для некоторых сегодняшних школьников 9 Мая, к сожалению, лишь один из пунктов учебной программы по истории. А мы гордились тем, что могли подбежать к колонне ветеранов и подарить им цветок, открытку, шарик, заглянуть в глаза и сказать спасибо за Победу... Вот это важно не потерять – нашу память, нашу гордость.

